

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 117-128
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.117

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Reflection of the Russian Intelligentsia of the 19th Century in the Context of the Polish Question

Alexander G. Gryaznukhin ^{a,*}, Tatyana V. Gryaznukhina ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the complex of ethnocultural and socio-political contradictions between Russia and Poland and its influence on the views of the Russian intelligentsia and the development of public thought in the 19th century. Based on the study of archival materials, memoirs, and journalistic sources, a correlation has been identified between historical processes of past centuries and the nature of Russian-Polish relations in the 19th century. The position of the intelligentsia as an expression of national self-awareness is examined in the context of its activity in addressing the Polish question, which was one of the most significant components of socio-political processes. The views of representatives of the intelligentsia belonging to different political movements and their positions regarding the authorities' policies on the Polish question are analyzed. The multifaceted impact of the Polish question on the destabilization of internal life in Russia and the loss of image on the foreign policy arena is revealed. Various solutions to the Polish question proposed by the intelligentsia are presented. The study establishes that the unifying factor for the intelligentsia was its negative attitude toward the territorial claims of the Poles. The alienation of historically Russian lands with their Orthodox population was unacceptable for the patriotically minded intelligentsia. The reasons for the interethnic conflict are substantiated, among which the peculiarities of the Polish national character, as confirmed by the opinions of a number of Polish researchers from the 19th to the 21st centuries, play a significant role. An examination of the historical experience of Russian-Polish interethnic and interstate relations may contribute to a deeper understanding of the causes of the conflict and thus aid in its resolution.

Keywords: Russia, Polish question, intelligentsia, reflection, Slavophiles, Westernizers, uprising.

1. Введение

Развитие русской общественной мысли XIX в. неразрывно связано с историей польского вопроса, в основе исследования которого лежали социально-политические и этнокультурные проблемы взаимоотношений между Россией и Польшей в пространственно-временном континууме. Анализ взглядов русской интеллигенции XIX в. на польский вопрос, проведенный в историко-культурном контексте, может помочь глубже понять суть исторически сложившихся противоречий между двумя народами и найти возможные варианты их решения. Уровень интереса к Польше со стороны русской интеллигенции XIX в. самым непосредственным образом зависел от общественно-политической обстановки. После восстаний 1830 г. и 1863 г. Польша становилась центром внимания публицистов, писателей, историков, чиновников, которые рассматривали отношения с Польшей в аспекте внутренних дел России. При этом, русской интеллигенцией польский вопрос рассматривался не только как дестабилизирующий фактор внутренней жизни России, но и как фактор, осложнявший ее внешнеполитические отношения. К началу XIX в. в российском обществе уже установились

* Corresponding author

E-mail addresses: agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin), tag-kras@mail.ru (T.V. Gryaznukhina)

стойкие стереотипы восприятия Польши, отношения которой с внешним миром во многом определялись менталитетом самих поляков.

Национальное самосознание, сформировавшееся у поляков к XVII–XVIII вв. и нашедшее свое выражение в особенностях их мировоззрения, образе жизни, закрепившееся в культуре, влияло на стереотипы восприятия ими себя и России как ближайшего соседа. К XVIII в. польское самосознание оформилось в систему воззрений, в основе которой лежала убежденность шляхты в своей исключительности, которая в свою очередь основывалась на вере в происхождение от древних воинственных племен сарматов и особенностях политического устройства, гарантировавшего шляхте свободу действий. «Москва, Италия, Литва отличны от Польского государства так же, как разнится неволя от свободы» (Лескинен, 2007: 107). Избранность шляхты обосновывалась ее свободой в выборе короля и тем, что она была носителем вольности.

По мнению Ю. Самарина, «всепримыряющая любовь» польской элиты «уживается на практике с самой суровой национальной и религиозной исключительностью, с самым дерзким, иногда доходящим до бессознательности, посягательством на чужую народность и веру. По свидетельству беспристрастнейших из польских историков и публицистов, две причины стубили их родину: польский гонор не мирился с мыслью о равноправности белорусов и малороссиян с поляками, а иезуитизм не мог допустить рядом с собой православной церкви» (Самарин, 2022: 226). Вследствие этой мировоззренческой позиции польской элиты в сознании русских слова «поляк» и «католик» рассматривались как синонимы, а образ поляка воспринимался как сугубо отрицательный.

Анализ взаимодействия двух государств, проведенный в историческом ракурсе, позволяет глубже понять характер отношений, сложившихся между ними к XIX в. При Алексее Михайловиче шла тяжелая война с Польшей за Малороссию, закончившаяся подписанием Вечного мира. Со второй половины XVII в. Польша была слабой державой, что делало ее ареной для борьбы разных государств, в результате которой она постепенно лишалась самостоятельности. Франция хотела посадить своего ставленника на польский престол, чему противодействовали Россия и Австрия. Три раздела Польши явились завершением существования самостоятельности государства, оказавшегося заложником своего геополитического положения. По условиям третьего раздела, Польша исчезла с политической карты, но мысль о независимости страны не покидала ее патриотов.

Современный польский политолог, занимающийся историей русско-польских отношений, профессор Анджей де Лазари считает, что у каждой культуры свое мироощущение, и что соседи Польши думают иначе, чем свойственно полякам. «И это "иначе" вовсе не должно означать "ошибочно". Поляки, вот, гордятся своим "гонором" (т.е. честью). А для русских "польский гонор" со времен Пушкина – это синоним тщеславной снеси и самонадеянности. Разве у русских нет оснований для такого мнения?» – спрашивает исследователь. Далее он утверждает, что «поляков больше всего раздражает в России государство и власть. В этом деле мы согласны со значительной частью российской интеллигенции» (Де Лазари, 2007: 133). Рефлексия русской интеллигенции по отношению к государственной власти и польскому вопросу в XIX в. была главной составляющей ее самоидентификации и оправданием существования как генератора общественного мнения.

2. Материалы и методы

Основой источникового базиса исследования являются архивные документы Государственного архива Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), Российского государственного исторического архива (Москва, Российская Федерация), а также воспоминания, мемуары, публицистические материалы. Записные книжки князя П. Вяземского позволяют составить представление об отношении ближайшего окружения и его лично к восстанию 1830 г. (Вяземский, 1963). В статье использованы заметки и статьи А. Герцена, написанные им для «Колокола» (Герцен, 1907), статьи редактора, писателя и публициста П. Щербальского (Щербальский, 2022). Славянофильская концепция польского вопроса изложена в статье Ю. Самарина (Самарин, 2022). Отношения между русскими и польскими студентами уделено место в воспоминаниях Л. Пантелеева (Пантелеев, 1958). Представление о нравах, обычаях местного населения и образе жизни русской интеллигенции в приграничных с Польшей районах, помогают составить воспоминания В. Короленко (Короленко, 1985). Особый интерес представляют научные труды, написанные профессиональными историками, являвшимися современниками исследуемой эпохи. История взаимоотношений между Россией и Польшей нашла свое отражение в трудах С. Соловьева (Соловьев, 1989). Свой взгляд на историю отношений между Россией и Польшей обосновывает Н. Данилевский в работе «Россия и Европа» (Данилевский, 2008).

Методология исследования включает в себя комплекс общенаучных и специально-исторических методов. Анализ, синтез и обобщение позволили всесторонне изучить объект исследования, углубить знания о нем и сделать резюмирующие выводы. Принципу историзма соответствует рассмотрение польского вопроса в контексте социально-экономических и политических процессов в Польше и имперском центре. Проблемно-хронологический метод позволил проследить последовательность и закономерность этнокультурных и социально-политических русско-польских взаимодействий. Историко-генетический метод дал возможность выявить глубинные корни

противоречий между странами. Историко-биографический метод использован для анализа роли личностей в общественно-политических процессах Польши и России XIX в.

3. Обсуждение

Труды историков дореволюционной школы существенным образом дополняют и интерпретируют исторические источники. Свой оригинальный подход при рассмотрении исторических событий, в частности польского восстания 1863 г., предлагает историк С. Платонов (Платонов, 1993). Выводы о причинах восстания и закономерности его поражения на основе богатого фактического материала обосновывает в своем «Курсе истории России XIX века» А. Корнилов (Корнилов, 2004). Концепцию противопоставления поляков и русских на основе религиозной принадлежности разработал историк А. Флоровский в курсе лекций о русско-польских отношениях XVIII–XIX вв. (Флоровский, 2022). Н. Раевский в своем исследовании проанализировал взгляды А. Пушкина и его окружения на события 1830 г. (Раевский, 1978). В сборнике научных статей «Поляки в России: история и современность» рассмотрены различные аспекты русско-польских отношений и взгляды русской интеллигенции на решение польского вопроса (ПВР, 2007). Вопросы становления польского менталитета, повлиявшего на взаимоотношения поляков и русских затронуты в сборнике статей «Польская культура в зеркале веков» (ПКВЗВ, 2007). Отношения между поляками и русскими на бытовом уровне нашли отражение в романе Ф. Достоевского «Братья Карамазовы» (Достоевский, 1981).

Более полно представить характер отношений между Россией и Польшей дают публикации в научных журналах. Вопросы трактовки и времени возникновения польского вопроса освещены в статье Л. Аржаковой (Аржакова, 2014). Планы декабристов по решению польского вопроса рассмотрены в статье Ф. Некрашевича (Некрашевич, 2014). Отношение А. Пушкина к восстанию в Польше 1830 г. является предметом исследования в статье М. Широковой (Широкова, 2022). В. Орехов анализирует взгляды поэта на польский вопрос и их влияние на русское общество XIX в. (Орехов, 2019). А. Максимов на основе анализа дневников министра внутренних дел П. Валуева сделал выводы о способах решения польского вопроса на правительственном уровне (Максимов, 2014). Взгляды издателя и публициста И. Арсеньева на польский вопрос проанализированы в статье О. Завьяловой (Завьялова, 2019), взгляды Н. Тургенева на положение Польши в составе Российской империи – в работе А. Нарезного (Нарежный, 2019). Точка зрения Ф. Тютчева на истоки русофобии в Польше, предложения поэта и дипломата по решению польского вопроса рассмотрены в статье А. Мыриковой (Мырикова, 2009). А. Кружалина осветила проблемы осмысления польского вопроса представителями русской общественности (Кружалина, 2013). Сравнительный анализ взглядов представителей консервативной и либеральной публицистики на польский вопрос проведен в статье Д. Тимиряева (Тимиряев, 2016). Особый интерес для исследования поставленной проблемы представляет работа современного польского ученого А. де Лазари, рассматривающего русско-польские отношения в историческом ракурсе (Де Лазари, 2007). Ряд проблем взаимоотношений российской интеллигенции XIX в. с различными слоями населения, ее роль в формировании социокультурного пространства России, поиск путей саморазвития и обоснования лидерства в предложении планов развития страны освещены в статьях авторов данного исследования – А. Грязнухина и Т. Грязнухиной (Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015; Gryaznukhin et al., 2020; Gryaznukhina et al., 2021a; Gryaznukhin et al., 2021b; Gryaznukhin et al., 2024).

4. Результаты

Польский вопрос являлся одной из самых острых проблем внутривосточного развития России XIX в. Он постоянно был в поле зрения русской интеллигенции, однако интерес к нему то затухал, то разгорался с новой силой в зависимости от состояния общественно-политической ситуации. Польское восстание 1830 г. привлекло к себе всеобщее внимание русской интеллигенции и она должна была определиться со своей позицией к происходившему. Неоднозначное отношение к мерам властей по решению польского вопроса в рядах дворянской интеллигенции, представлявшей собой элиту общества, привело к разногласиям в ее среде. Далекое не всегда интеллигенция поддерживала правительство в способах его решения. Первые сведения о восстании 1830 г. в Варшаве русская интеллигенция узнала из печати. Д. Фикельмон писала в письме своему другу П. Вяземскому, что эти события их потрясли: «...во всех умах полностью отсутствуют все иные мысли, кроме политических...» (Раевский, 1978: 164). И Фикельмон, и князь Вяземский имели много знакомых среди польской знати и выражали опасения за судьбу ее представителей из числа главных участников восстания. Личностный фактор не мог не сказаться на их отношении к событиям в Польше. Считая поляков нацией героической, которая ведет безнадежную борьбу за свою свободу, главную причину восстания они видели в политике великого князя Константина Павловича. Взгляды своих друзей не разделял А. Пушкин. Поддерживая политику правительства, он желал победы над поляками и взгляды свои выразил в стихах, отношение современников к которым было далеко не однозначным. П. Вяземский в записных книжках писал: «Польшу нельзя расстрелять, нельзя повесить ее, следовательно, силою ничего прочного, ничего окончательного сделать нельзя. При первой войне,

при первом движении в России, Польша восстанет на нас, или должно будет иметь русского часового при каждом поляке» (Вяземский, 1963: 212). А. Тургенев также критически отнесся к стихам поэта. А вот П. Чаадаев принял их восторженно, считая, что Пушкин поступил как истинный национальный поэт. Пушкин признавал достижения польской культуры, его связывали дружеские отношения с А. Мицкевичем. Однако претензии поляков на исконно русские земли Украины и Белоруссии были для него неприемлемы. Создавая свои стихи, поэт оставался верен себе, и его политические убеждения, совпадавшие с официальной позицией правительства, не являлись результатом заблуждения или корыстолюбия, а сформировались на основе анализа исторических фактов. Продолжая традицию, заложенную в поэзии А. Пушкиным, М. Лермонтов опубликовал в 1835 г. стихотворение «Опять народные витии...», в котором поддержал позицию поэта по польскому вопросу (Орехов, 2019: 80). Политику правительства в отношении Польши приветствовал В. Жуковский. П. Вяземский по этому поводу писал: «Я уверен, что в стихах Жуковского нет царедворского побуждения, тут просто русское невежество» (Вяземский, 1963: 212).

Патриотические настроения поэтов разделяли декабристы. Н. Тургенев негативно относился к участию поляков в войне 1812 г. на стороне французов. Польшу он рассматривал как стену, отделяющую Россию от Европы, и считал ее «грязным источником, из которого текла бы в Россию безнравственность и подлость дворянства польского, и ненависть или презрение к конституционным государствам» (Нарежный, 2019: 72). Н. Тургенев одобрял дарованную Александром I Польше конституцию, не видя в ней унижения для России. Однако у других декабристов «была своего рода ревность к Польше: они думали, что Александр I больше любит и уважает поляков, чем русских», поэтому и даровал им конституцию (Герцен, 1907: 134). Такого мнения придерживались И. Якушкин, М. Орлов, М. Лунин. Причину восстания 1830 г. Н. Тургенев видел в том, что земли были присоединены к России насильственно в результате второго и третьего разделов Польши, а также в более высоком уровне развития этой страны, что определяло трудности ее взаимоотношений с имперским центром и препятствовало сближению России с Европой, и поэтому он высказывался за ее выход из состава империи. Но польские притязания на западные земли, где проживало русское население, для него были не приемлемы. В целом декабристы, поддерживая преобразования Александра I в Польше, надеялись на их распространение и на территорию России. Восстание 1830 г. многие расценивали как неблагодарность поляков за все льготы, предоставленные русским правительством. А. Бестужев писал о том, что его огорчают события 1830 г., а также считал, что поляки друзьями русских никогда не будут (Широкова, 2022: 16).

Исследования польского вопроса в контексте анализа пространственно-временных категорий проводили историки и философы XIX в., представлявшие собой научную интеллигенцию России. По мнению Н. Данилевского, сила каждой культуры проявляется в ее самобытности и оригинальности, которую может обеспечить только сильная государственная власть, способная защитить страну от внешних врагов. Трагедию Польши он видел в том, что она бездумно переняла «без борьбы западные религиозные начала» (Данилевский, 2008: 265). Мечты о восстановлении Польши в границах 1772 г. он считал «вредным обольщением» с ее стороны. В. Соловьев видел миссию Польши в объединении Запада и Востока. Считая православную церковь неспособной в силу своей косности пойти на акт самоотречения и внутреннего возрождения, он искренне полагал, что Польша может объединить Россию с католическим Западом и создать вселенскую теократию, где религиозная власть будет принадлежать папе (Амелина, 2014: 62). Любовь к польской культуре обусловила идеалистический взгляд философа на историю развития отношений России с Польшей. Однако при всей оторванности своих взглядов от реальной жизни, он не разделял стремление поляков восстановить страну в границах 1772 г., так как считал, что это приведет к порабощению русских крестьян. Он также был согласен с убеждением Данилевского о необходимости сильной государственной власти для самостоятельного развития любой культуры. Историк С. Соловьев рассматривал религию как фактор «резкой нравственной границы» между народами Запада и Россией, отмечая, что под знаменем православия «поднялась и собралась восточная Россия, чтоб не пустить на московский престол латынца, польского короля или сына его; под его знаменем отстаивала свою народную самостоятельность западная Россия в борьбе с Польшей» (Соловьев, 1989: 439). Историко-культурный анализ приводил его к выводу о враждебности польского народа к русскому в силу осознания поляками своей чуждости восточному соседу. Славянофил Ю. Самарин также рассматривал религию в контексте ее влияния на взаимоотношения между народами. Считая веру определяющей в формировании мировоззрения и поведения человека, он писал: «Глубокая несовместимость и непримиримость латинства со славянством доказана историческим опытом веков, хотя у нас многие не решаются еще признать ее» (Самарин, 2022: 228). Историк А. Флоровский также придерживался концепции противопоставления поляков и русских на основе религиозной принадлежности. «В общей форме можно охарактеризовать польско-русские отношения за все время их развития – т.е. за 1000 лет – как длительные неприятельские, враждебные, недоброжелательные» (Флоровский, 2022: 369). В своих исследованиях он подчеркивал, что основы культурной жизни Польши и России существенно различаются в силу определяющего влияния церкви на их формирование. В реальной жизни это не всегда было так. Например, в южных и юго-западных

районах, на Волыни и Подолье до восстания 1863 г. не было противостояния двух церквей. В православных церквях размещались изображения католических святых, православные священники хорошо знали польский язык. Ситуация изменилась после восстания 1863 г., когда правительство стало стремиться ограничить польское влияние в регионе. В учебных заведениях начали вводить ограничения на польскую литературу и язык, чиновники должны были иметь российское происхождение. К концу века католическая церковь, консолидировав польскую нацию на противостоянии российскому давлению, все активнее стала играть политическую роль, формируя негативное отношение у прихожан к русскому языку и культуре (Нестеренко, 2007: 33, 37).

По воспоминаниям В. Короленко, детство которого прошло на Волыни, ни православная, ни католическая веры не притеснялись. Мать писателя была католичкой, отец признавал ее право на выбор веры. На Волыни было сильно польское влияние. Читать мальчик учился по польской азбуке, посещал польский пансион, первая театральная пьеса, которую он увидел, тоже была польской. «Господствующим языком в пансионе был польский. Но ни малейшей национальной розни, между нами, собственно, в пансионе не было». О своей семье Короленко писал, что ее «нельзя назвать чисто русской» (Короленко, 1985: 104). В семье говорили как на польском, так и на русском языках. В городе по-русски говорили в основном военные и чиновники, а в деревнях звучал своеобразный говор, состоявший из смеси польского и русского языков. Неудивительно, что у будущего писателя возникла проблема с определением своей идентичности: «Я тогда не был ни русским, ни поляком, или, вернее, был и тем и другим...» (Короленко, 1985: 107). Свои коррективы в жизнь внесло польское восстание, которое вынудило семью определиться с принадлежностью к какой-либо культуре. Еще в 1860 г., придя со службы, отец сказал детям: «Вы – русские и с этого дня должны говорить по-русски» (Короленко, 1985: 103). В первые дни восстания горожане сочувствовали восставшим, настроение польского общества было приподнятое. Крестьяне же не поддерживали восстание и сами расправлялись с восставшими панями, ходили слухи, что мужики зарывали панов в землю живыми. После поражения восстания дамы в знак траура носили черные платья (Короленко, 1895: 112-114). Шляхта и романтически настроенная интеллигенция ради удовлетворения своих амбиций принесли в жертву национальные интересы, ухудшив как свое положение, так и народа, интересы которого им были глубоко безразличны.

Историк А. Корнилов, анализируя отношения с Польшей в первой половине XIX в., отмечал уверенность общества во враждебном отношении поляков к русским, так как «поляки тесно связывали свою судьбу с Наполеоном. Они дрались весьма храбро и энергично в рядах наполеоновских войск» (Корнилов, 2004: 197). Антипольские настроения в русском обществе в эпоху Александра не были редкостью, особенно враждебно к полякам относились в войсках. Конституция 1815 г. всю власть в Царстве Польском отдавала шляхте. Усилившиеся после восстания декабристов в польском обществе революционные настроения привели к восстанию 1830 г., основную причину которого Корнилов видел в утрате веры поляков в восстановление страны в границах 1772 г. (Корнилов, 2004: 197, 259).

В 1860-х гг. требование поляков о восстановлении страны в старых границах оставалось прежним. Это требование поддерживали и дворянская, и демократическая партии. Попыткой возродить Королевство Польское явилось восстание 1863 г. Истребление спящих русских солдат в казармах во время восстания возбудило русское общество против поляков. Даже те, кто раньше сочувствовал им, теперь изменили свою позицию. Печать пестрила негодующими статьями, представители разных политических убеждений были едины в своем негодовании. Так, Аксаков и Катков изменили к полякам свое лояльное отношение. Угрозы иностранного вмешательства вызвали взрыв патриотизма у русской общественности. По мнению Корнилова, события в Польше углубили раскол в рядах интеллигенции, взгляды которой сместились вправо. Перелом выразился в резком падении влияния «Колокола», тираж которого сильно упал (Корнилов, 2004: 478). Резко отрицательно относился к национально-освободительному движению поляков ведущий историк XIX в. С. Платонов. Обвиняя восставших в терроре и казнях тех, кто восстание не поддерживал, он писал: «В условленный день в разных местах Польши и Литвы банды "повстанцев" напали на русские войска и началась война» (Платонов, 1993: 710). Историк оправдывал жестокость М. Муравьева при подавлении мятежа в Литве, считая его патриотом, достойным уважения. Заявление правительств Англии, Франции, Австрии о необходимости дарования мира польскому народу, Платонов рассматривал как вмешательство во внутренние дела России. Его мнение совпадало с мнением правительства, выразителем которого в печати был М. Катков. Его «Московские ведомости» много сделали для подъема патриотических настроений среди общественности. «Державы могли убедиться в том, что в России народилось общественное мнение и что оно оказывает власти могучую нравственную помощь» (Платонов, 1993: 711).

Одним из факторов, объединявшим русскую интеллигенцию, являлось ее негативное отношение к территориальным притязаниям Польши. Ю. Самарин, занимаясь вопросами преобразований в Польше после подавления восстания, на требование Польши восстановить ее в исторических границах, задавал закономерный вопрос, какие «границы считать историческими?» (Самарин, 2022: 224). Он считал вопрос этот, в том виде как его предлагает Польша, неразрешимым.

«Польша пала жертвою внешнего вмешательства, вызванного ее внутренним разложением» (Самарин, 2022: 229). Славянофил К. Аксаков считал, что по этому вопросу с поляками не должно быть «никаких сделок, никаких компромиссов, ни тени каких-либо уступок» (Тимиряев, 2016: 101). М. Катков положительно оценивал внутреннюю политику правительства в Царстве Польском и считал необходимым проводить политику русификации нерусского населения, так как польское крестьянство было более лояльно настроено к русскому правительству, чем шляхта. Он убеждал своих читателей в том, что русские революционеры в своей подрывной деятельности связаны с польскими конспираторами. Ф. Тютчев также отмечал враждебность польской шляхты, которую поддерживали петербургские нигилисты, враждебные ко всему русскому, чувства которых инстинктивны, а в поведении нет никакой логики (Мырикова, 2009: 38). Поддерживая Д. Милютина и М. Каткова, Ф. Тютчев считал польскую шляхту опасным и сознательным врагом. Наиболее радикально настроенные круги интеллигенции отрицали саму возможность примирения с Польшей. Катков, напротив, считал примирение возможным через систему представительных учреждений, расширение сферы действия русского языка и лояльности к русскому государству со стороны поляков. Неоднозначной была позиция Аксакова по поводу дальнейшей судьбы польского государства. Он считал, что поляков необходимо предоставить их собственной участи, выведя с территории Польши войска, не отдавая при этом земель, на которых проживали православные русские. С этим его мнением был вполне согласен другой представитель славянофилов - А. Хомяков, который создал идеалистическую картину самоопределения народов, когда любая область могла приписаться к вновь создаваемой Польше, либо к другой державе, либо стать самостоятельной под чьим-либо покровительством, либо без него (Кружалина, 2013: 143).

Ко второй половине XIX в. самосознание российского общества вполне сформировалось. Это находило свое отражение, в частности, в том, что различные представители интеллигенции пытались реагировать на решение польского вопроса. Свои записки, проекты по урегулированию ситуации правительству представляли М. Погодин, Б. Чичерин, К. Кавелин, И. Аксаков, И. Арсеньев. Все активнее высказывались по поводу политических проблем журналисты. Историк, талантливый писатель, редактор «Варшавского дневника» – единственной в Варшаве русской газеты – П. Щебальский, был беспристрастным публицистом, статьи которого пользовались популярностью. Во многом разделяя взгляды Каткова, он считал необоснованными обвинения со стороны Европы и части русской интеллигенции в насильственном присоединении польских земель. По его мнению, еще в XVIII в. Европа, а вслед за ней и «образованная часть России» видели «в слиянии единой и долго разделенной национальности не что иное, как насильственное завоевание», хотя в отличие от Австрии и Пруссии, Россия не присоединила к себе исконно польских земель. Щебальский утверждал, что это было «присоединение Руси к Руси» (Щебальский, 2022: 117, 119). В 1861 г. был командирован в Варшаву журналист и издатель И. Арсеньев. Официальные власти ему покровительствовали. Он же ставил перед собой задачу объективно освещать материалы, так как местная администрация скрывала многие факты, и они доходили до Петербурга в искаженном виде. По утверждению журналиста, «все творившееся в Варшаве тщательно скрывается местной администрацией...» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 359. Л. 533). Министр внутренних дел П. Валуев соглашался с журналистом в том, что правительство действительно плохо информировано о реальных делах в Польше. По его мнению, правительство недостаточно решительно действовало в подавлении восстания 1863 г. Понимая, что силовое решение не решит проблемы, он считал, что нужна общая идея, которая расположила бы поляков к России (Максимов, 2014: 87-88). Информация, предлагаемая Арсеньевым читателю, не устраивала правительство, цензура ее не пропускала, что вынуждало журналиста публиковаться в зарубежной печати. Ухудшение ситуации в отношениях с Польшей он связывал с отсутствием четкой позиции у правительства в решении польского вопроса. Наблюдая жизнь поляков изнутри, Арсеньев пришел к выводу, что ненависть поляков к России была всегда, она только скрывалась под маской. Как выход из создавшейся ситуации он предлагал пойти по пути реформ, не вмешиваясь во внутренние дела управления, предоставить Польше административную автономию. Считая, что «по нравственному развитию своему, по своему образованию» поляки стоят выше русского народа, Арсеньев, вместе с тем утверждал, что признание этого факта не должно оскорблять (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 384. Л. 70б.). К польской аристократии Арсеньев относился отрицательно. По его мнению, управлять она не способна и занята только реализацией своих корыстных целей (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 384. Л. 10-120б.). Либеральные меры русского правительства принимались поляками за проявление слабости.

Об отношениях русских студентов с польскими представителями студенческой молодежи вспоминал в своих мемуарах Л. Пантелеев. В конце 1850-х гг., когда он учился в Петербургском университете, около трети от общего числа студентов составляли поляки. На юридическом факультете профессора-поляки читали им лекции на польском языке. Студенты-поляки составляли особую корпорацию, держась от русских студентов обособлено и не участвуя в студенческих сходках. С их стороны допускался только «при встречах на лекциях вежливый поклон». «Русские относились к полякам без всякой враждебности, но тоже не искали сближения». Некоторые русские профессора симпатизировали полякам, например, профессор Кавелин считал их положение ненормальным.

Польские студенты бывали у Чернышевского, Добролюбова, читали «Колокол», находя в нем материал, обличавший русское правительство (Пантелеев, 1958: 172). Л. Пантелеев повествует об интересном факте проявления солидарности со стороны русских студентов. В Петербурге была организована панихида по пятерым убитым в Варшаве при подавлении манифестации 13 февраля 1861 г. Естественно, что на нее пришли все поляки. Но пришли также и русские – профессора Костомаров, Утин и другие. Однако следствие по поводу панихиды было организовано только в отношении поляков. Русские студенты решили представить в следственную комиссию подписные листы с доказательством, что они тоже были на панихиде. Поляков это тронуло, они пошли на некоторое сближение с русскими (Пантелеев, 1958: 172-173). Но в целом это событие, не смогло изменить характер взаимоотношений между русскими и поляками, которые на генетическом уровне испытывали стойкую неприязнь к России и ее культуре. Чутко улавливавший общественные настроения и реагировавший на все процессы в обществе, Ф. Достоевский также не мог не коснуться в своем творчестве польского вопроса. В романе «Братья Карамазовы» он описал встречу на постоялом дворе Дмитрия с двумя польскими панями в «засаленной одежде», но «с высокомерным видом», приехавшими поправить свое материальное положение за счет женитьбы на Грушеньке. Чтобы как-то разрядить напряженную обстановку, Дмитрий предложил тост: «За Польшу, панове, пью за вашу Польшу, за польский край!». Шампанское было выпито, и Дмитрий провозгласил следующий тост: «Теперь за Россию, панове, и побратаемся!». За Россию выпили все присутствующие, кроме панов. На возглас Дмитрия «Как же вы, панове? Так вы так-то?» один из панов, замешкавшись, ответил: «За Россию в пределах до семьсот семьдесят второго года!» (Достоевский, 1981: 115). Враждебное отношение к России, носившее массовый характер, овладело сознанием поляков. Нищие поляки, не имевшие даже собственных часов, имели зато польский гонор, который, однако, не мешал им попытаться овладеть Грушенькиными деньгами. Как и в случае с панихидой, «побрататься» здесь явно не получилось. Открытости русской души были противопоставлены польский гонор и спесь.

Наиболее прогрессивно мыслящая часть русской интеллигенции объединилась вокруг редакции «Колокола». А. Герцен постоянно держал своих читателей в курсе польских дел. Национально-освободительное движение поляков он связывал с вопросом освобождения российских крестьян, а будущее Польши видел в ее федерализации и отделении от России. Он писал, что «всегда считал насильственное соединение России с Польшей огромнейшим несчастьем для обеих сторон» (Герцен, 1907: 42). Его обескураживало то, что «правительство на немецкий манер никогда не поймет, что для России сильная, независимая Польша, как союзница, гораздо выгоднее, чем Польша четвертованная, оскорбленная, ненавидящая» (Герцен, 1907: 78). По поводу разгрома восстания он опубликовал свое мнение в «Колоколе»: «Из польского дела мы себе почетного знамени не выкроим – полицейскому усмирению и казни целого народа ни восторги, ни лавры не идут» (Герцен, 1907: 162). Демократическая позиция Герцена была близка Н. Чернышевскому, Н. Добролюбову, Н. Серно-Соловьевичу. Их поддерживал историк, правовед и публицист Б. Чичерин, который также считал включение Польши в состав России величайшей ошибкой. Восстание 1863 г. он рассматривал как безумие, которое отдалило решение польского вопроса. Выход он видел в установлении равноправности польского языка наравне с русским. Многие его взгляды разделял философ Г. Трубецкой, считавший, что отношения с Польшей формируют позицию к России славянства в целом (Дианова, 2019: 112). Большое место Польше в освобождении славянских народов отводил М. Бакунин, веривший в братство русских и поляков. Однако претензии поляков на старые границы считал ошибкой с их стороны (Амелина, 2014: 72).

Отношения между русскими и поляками во многом осложнял национальный характер поляков, их гонор и неуступчивость. Этому существует немало свидетельств. Даже будучи арестованными после восстания 1863 г. поляки не хотели смиряться. На одном из этапов в Вятской губернии польские арестанты в ответ на приказ надеть наручники на подстрекателей беспорядка напали на конвоиров (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 126. Л. 3-4). Поляки сами во многом способствовали формированию к себе негативного отношения со стороны русского населения, что часто было связано с пожарами. Подметные письма с угрозой поджогов вносили напряжение в общество. Министру внутренних дел П. Валуеву было доставлено такое письмо о предстоящих поджогах в Вятке, содержавшее угрозы для русских. Поджоги должны были осуществить арестанты-поляки, которые рассматривали эти действия как месть за свое поражение в восстании (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 126. Л. 215).

Однако не все представители польской элиты были склонны во всех бедах своей страны обвинять Россию. Член Краковской академии искусств, профессор Ягеллонского университета, директор Краковского архива, видный общественный деятель М. Бобжинский в 1879 г. опубликовал «Очерк истории Польши», который сделал его имя популярным и поверг польское общество в состояние шока. Основное внимание в очерке уделялось причинам падения Речи Посполитой, заключавшихся по мнению автора не в кознях соседей, а во внутреннем разладе. Исследователь считал, что в Польше не было правительства, которое сплотило бы разрозненные общественные силы (Аржакова, 2007: 63). Надо было иметь определенное гражданское мужество, чтобы выступить с подобным заявлением, противоречившим сложившемуся общественному мнению. Град упреков посыпался на ученого, которого обвиняли в предательстве польских интересов. Польские историки

вступили с ним в полемику, не соглашаясь со сделанными выводами, но были вынуждены признать при этом значение его труда. Взгляды Бобжиньского разделял русский историк Н. Кареев, который также занимался вопросом падения Польши и много сделал для популяризации труда Бобжиньского в России, надеясь, что это будет способствовать взаимопониманию между двумя народами.

Литератор, философ и публицист польского происхождения М. Здзеховский, болезненно переживая сложившуюся ситуацию, прилагал все имевшиеся у него возможности, чтобы хоть как-то улучшить русско-польские отношения. Будучи хорошо образованным, он прекрасно разбирался в русской литературе, ему близки были взгляды Чаадаева, которому он посвятил один из очерков. Здзеховский не был сепаратистом, он выступал за автономию Польши, считая, что поляки должны иметь с русскими равный статус в Российской Империи. По его мнению, вопрос обострялся тем, что русское общество, за исключением отдельных его представителей, озабоченное своими проблемами, забыло о Польше. К таким представителям, помнящим о Польше, он относил В. Соловьева и Б. Чичерина, считая их защитниками польских интересов. Чичерин являлся для него непререкаемым авторитетом, именно его труды повлияли на то, что Здзеховский занялся проблемами польского вопроса. Он пригласил Чичерина посетить «Славянский клуб» Ягеллонского университета, председателем которого являлся. Исходя из личного опыта, Здзеховский пришел к осознанию бесполезности теоретических рассуждений по поводу польского вопроса. Практически же решить этот вопрос, как он полагал, могут только представители власти, Государственной Думы и Государственного Совета, ему же остается только молчание (Дианова, 2019: 114-115). Не все представители польского общества соглашались с амбициозными поведками своих соотечественников. И хотя число их было незначительно, определенное влияние на свое окружение они оказывали. Так, студент Хорошевский, имевший большой авторитет среди товарищей, выражал сомнение относительно прав Польши на Литву и Юго-Западный край. Пантелеев, зная желания поляков иметь Польшу в размерах до «разбора», был очень удивлен позицией Хорошевского (Пантелеев, 1958: 172).

Несмотря на то, что как со стороны русской, так и со стороны польской интеллигенции предпринимались отдельные попытки к сближению двух народов, существенной роли в установлении дружеских отношений они не сыграли. Пророчески-пессимистическую мысль высказал студент Маркевич в своем послании русским студентам: «Придет момент, – писал он, – когда, может быть, против всех доводов логики, сила чувств, сложившихся благодаря прошлому, бросит нас с оружием в руках против вас, так как нам нет возможности забыть, что вы принадлежите к народу, который нанес полякам самые тяжелые раны» (Пантелеев, 1958: 181).

5. Заключение

Польский вопрос являлся одним из самых актуальных в истории России XIX в. Связано это было, прежде всего с тем, что он включал в себя целый комплекс социально-политических и этнокультурных проблем русско-польских отношений, на которые влияла историческая память многих поколений. Особый интерес русской интеллигенции к Польше был обусловлен также тем, что из ближайшего соседа она стала частью территории Государства Российского. И поэтому все проблемы, связанные с историей взаимоотношений между Россией и Польшей, рассматривались русской интеллигенцией в контексте польского вопроса. На степень проявленного интереса к взаимоотношениям с Польшей влияли события общественно-политической жизни. Восстания 1830 и 1863 гг. способствовали увеличению этого интереса со стороны русской интеллигенции, которая должна была определиться со своей позицией по польскому вопросу. Позиция эта не была однозначной, часть интеллигенции поддерживала правительство, другой ее лагерь был не согласен с политикой властей. Это положение наблюдалось как в период первого польского восстания, когда Пушкин, Чаадаев, Жуковский, Вяземский, Фикельмон, будучи друзьями, оказались по разные стороны баррикад, так и в период второго восстания, когда интеллигенция предлагала свои варианты решения польского вопроса, далеко не всегда совпадающие с волей правительства. Через печать, научные труды, лекционную работу интеллигенция пыталась влиять на проводимую правительством политику, формируя общенациональную позицию. Единства по решению польского вопроса в рядах интеллигенции не наблюдалось, ею предлагались разные варианты решения проблемы: от предоставления Польше автономии до признания ее полной независимости. Причина конфликта усматривалась в неравноправном положении поляков, неправильной политике властей, религиозных различиях. Неоднозначным было мнение о возможности примирения с поляками. Если часть интеллигенции верила в возможность примирения с ними, то наиболее радикально настроенная умственная элита отрицала саму эту возможность. Несмотря на существовавшие в рядах интеллигенции разногласия по решению польского вопроса, всех ее представителей объединило неприятие территориальных претензий со стороны поляков. Представители разных политических направлений, забыв разногласия, объединились в едином патриотическом порыве, поддерживая правительство в его стремлении сохранить территориальную целостность государства.

Различие ментального восприятия действительности лежало в основе непонимания и недоверия между двумя народами. Тенденции русофобии, господствовавшие в польском обществе, препятствовали попыткам нормализовать отношения между двумя народами и культурами.

Литература

- Амелина, 2014** – Амелина Е.М. Место Польши в русской историографической мысли второй половины XIX века (Вл. Соловьев, Н. Данилевский, М. Бакунин) // *Соловьевские исследования*. 2014. 4(44). С. 58-75.
- Аржакова, 2007** – Аржакова Л.М. Николай Кареев и Михаил Бобжинский / Поляки в России: история и современность. Краснодар, 2007. С. 61-67.
- Аржакова, 2014** – Аржакова Л.М. Польский вопрос в России XIX в. (трактовка и время возникновения) // *Вестник ТвГУ. Серия «История»*. 2014. № 3. С. 4-17.
- Вяземский, 1963** – Вяземский П. А. Записные книжки. 1813–1848. М., 1963. 513 с.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- Герцен, 1907** – Герцен А.И. Статьи о Польше (из «Колокола»). СПб., 1907. 189 с.
- Данилевский, 2008** – Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 2008. 816 с.
- Де Лазари, 2007** – Де Лазари А. Musi to na Rusi... (о российской культурной запрограммированности и польской русофобии) // Поляки в России: история и современность. Краснодар, 2007. С. 133-138.
- Дианова, 2019** – Дианова В. М. Польский вопрос в трактовке российских интеллектуалов XIX – начала XX века // *Философский полилог*. 2019. 2 (6). С. 109-117.
- Достоевский, 1981** – Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Роман в 4 ч. Ч. III, IV, эпилог. М., 1981. 542 с.
- Завьялова, 2019** – Завьялова О.О. «Усмирить подвластный нам край»: взгляды И. А. Арсеньева на польский вопрос в начале 1860-х годов в контексте национальной политики Российской империи // *Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения*. 2019. Т. 19. Вып. 4. С. 417-423.
- Корнилов, 2004** – Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 2004. 862 с.
- Короленко, 1985** – Короленко В. Г. История моего современника. Т. 1-2. М., 1985. 704 с.
- Кружалина, 2013** – Кружалина А. А. Польский вопрос в дискуссиях российской общественности // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2013. № 7. С. 142-146.
- Лескинен, 2007** – Лескинен М. Сарматский патриотизм в контексте формирования польской национальной мифологии в XVII веке / Польская культура в зеркале веков. М., 2007. С. 104-130.
- Максимов, 2014** – Максимов А. И. «Польский вопрос» в дневниках П. А. Валуева (1861-1864 гг.) // *Вестник Брянского государственного университета*. 2014. № 2. С. 84-89.
- Мырикова, 2009** – Мырикова А.В. Ф. И. Тютчев: истоки русофобии. «Польский вопрос» // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. 2009. № 3. С. 37-44.
- Нарежный, 2019** – Нарежный А.И. Н. И. Тургенев о польском вопросе // *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2009. № 1. С. 70-76.
- Некрашевич, 2014** – Некрашевич Ф.А. Отдельный Литовский корпус в планах тайных обществ декабристов // *Российские и славянские исследования: науч. сб.* Вып. 9. Минск: БГУ, 2014. С. 123-128.
- Нестеренко, 2007** – Нестеренко В.А. Взаимоотношения между Римско-католической и Православной церквями Правосторонней Украины во второй половине XIX – начале XX в. / Поляки в России: история и современность. Краснодар, 2007. С. 29-40.
- Орехов, 2019** – Орехов В.В. «Клеветникам России»: авторская позиция и литературная репутация // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки*. 2019. Т. 5(71). № 3. С. 69-88.
- Пантелеев, 1958** – Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958. 848 с.
- ПВР, 2007** – Поляки в России: история и современность. Краснодар, 2007. 287 с.
- ПКВЗВ, 2007** – Польская культура в зеркале веков. М., 2007. 720 с.
- Платонов, 1993** – Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. 736 с.
- Раевский, 1978** – Раевский Н.А. Избранное. М., 1978. 492 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Самарин, 2022** – Самарин Ю.Ф. Современный объем польского вопроса / Забытые страницы польского вопроса. СПб., 2022. С. 220-240.
- Соловьев, 1989** – Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. 768 с.
- Тимирязев, 2016** – Тимирязев Д.О. Польский вопрос в отечественной консервативной и либеральной публицистике (1881-1887 гг.) // *Научные ведомости*. 2016. № 8 (229). С. 100-107.
- Флоровский, 2022** – Флоровский А.В. Русско-польские отношения в XVIII – XIX вв. / Забытые страницы польского вопроса. СПб., 2022. С. 368-374.

[Широкова, 2022](#) – Широкова М.А. К вопросу о взглядах А. С. Пушкина на восстание в Польше 1830-1831 гг. // *Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология*. 2022. № 5 (127). С. 13-18.

[Щебальский, 2022](#) – Щебальский П. К. Польско-русский вопрос / Забытые страницы польского вопроса. СПб., 2022. С. 113-124.

[Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015](#) – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V. Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries // *Bylye Gody*. 2015. 38(4): 972-981.

[Gryaznukhin et al., 2020](#) – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Belgorodskaya L.V., Malutina L.F. Charity as the Demonstration of Mentality of the Merchant Class and Entrepreneurs of Russia in the XIX century // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 1132-1141.

[Gryaznukhina et al., 2021a](#) – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Malyutina L.F. et al. Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 652-660.

[Gryaznukhin et al., 2021b](#) – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Karchaeva T.G., Akhtamov E.A. Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1299-1307.

[Gryaznukhin et al., 2024](#) – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Zhulaeva A.S., Kozhevnikov S.V. The Dichotomy of the Mentality of the Russian People and the Intelligentsia of the XIX century // *Bylye Gody*. 2024. 19(2). 716-725.

References

[Amelina, 2014](#) – Amelina, E.M. (2014). Mesto Pol'shi v russkoi istoriograficheskoi mysli vtoroi poloviny XIX veka (Vl. Solov'ev, N. Danilevskii, M. Bakunin) [The place of Poland in Russian historiographical thought of the second half of the 19th century (V. Solovyov, N. Danilevsky, M. Bakunin)]. *Solov'evskie issledovaniya*. 4(44): 58-75. [in Russian]

[Arzhakova, 2007](#) – Arzhakova, L.M. (2007). Nikolai Kareev i Mikhail Bobzhin'skii [Nikolai Kareev and Mikhail Bobzhinsky]. *Polyaki v Rossii: istoriya i sovremennost'*. Krasnodar. Pp. 61-67. [in Russian]

[Arzhakova, 2014](#) – Arzhakova, L.M. (2014). Pol'skii vopros v Rossii XIX v. (traktovka i vremya vozniknoveniya) [The Polish Question in Russia in the 19th century (interpretation and time of origin)]. *Vestnik TvGU. Seriya «Istoriya»*. 3: 4-17. [in Russian]

[Danilevskii, 2008](#) – Danilevskii, N.Ya. (2008). Rossiya i Evropa. Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu [Russia and Europe. A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the Germanic Romance]. Moskva. 816 p. [in Russian]

[De Lazari, 2007](#) – De Lazarim A. (2007). Musi to na Rusi... (o rossiiskoi kul'turnoi zaprogrammirovannosti i pol'skoi rusofobii) [... (about Russian cultural programming" and Polish Russophobia)]. *Polyaki v Rossii: istoriya i sovremennost'*. Krasnodar. Pp. 133-138. [in Russian]

[Dianova, 2019](#) – Dianova, V.M. (2019). Pol'skii vopros v traktovke rossiiskikh intellektualov XIX – nachala XX veka [The Polish question in the interpretation of Russian intellectuals of the 19th – early 20th centuries]. *Filosofskii polilog*. 2(6): 109-117. [in Russian]

[Dostoevskii, 1981](#) – Dostoevskii, F.M. (1981). Brat'ya Karamazovy. Roman v 4 ch. Ch. III, IV, epilog [The brothers Karamazov. A novel at 4 p.m. III, IV, epilogue]. Moskva. 542 p. [in Russian]

[Florovskii, 2022](#) – Florovskii, A.V. (2022). Russko-pol'skii otnosheniya v XVIII – XIX vv. [Russian-Polish relations in the XVIII – XIX centuries.]. *Zabytye stranitsy pol'skogo voprosa*. SPb. Pp. 368-374. [in Russian]

[GARF](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation].

[Gertsen, 1907](#) – Gertsen, A.I. (1907). Stat'i o Pol'she (iz «Kolokola») [Articles about Poland (from the “Kolokol”)]. SPb. 189 p. [in Russian]

[Gryaznukhin et al., 2020](#) – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Belgorodskaya, L.V., Malutina, L.F. (2020). Charity as the Demonstration of Mentality of the Merchant Class and Entrepreneurs of Russia in the XIX century. *Bylye Gody*. 57(3): 1132-1141.

[Gryaznukhin et al., 2021b](#) – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Karchaeva, T.G., Akhtamov, E.A. (2021). Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms. *Bylye Gody*. 16(3): 1299-1307.

[Gryaznukhin et al., 2024](#) – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Zhulaeva, A.S., Kozhevnikov, S.V. (2024). The Dichotomy of the Mentality of the Russian People and the Intelligentsia of the XIX century. *Bylye Gody*. 19(2). 716-725.

[Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015](#) – Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V. (2015). Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries. *Bylye Gody*. 38(4): 972-981.

[Gryaznukhina et al., 2021a](#) – Gryaznukhina, T.V., Gryaznukhin, A.G., Malyutina L.F. et al. (2021). Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy. *Bylye Gody*. 16(2): 652-660.

[Kornilov, 2004](#) – Kornilov, A.A. (2004). Kurs istorii Rossii XIX veka [The course of the history of Russia in the 19th century]. Moskva. 862 p. [in Russian]

- Korolenko, 1985** – *Korolenko, V.G.* (1985). Istoriya moego sovremennika. T. 1-2 [The story of my contemporary]. Moskva. 704 p. [in Russian]
- Kruzhalina, 2013** – *Kruzhalina, A.A.* (2013). Pol'skii vopros v diskussiyakh rossiiskoi obshchestvennosti [The Polish question in the discussions of the Russian public]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 7: 142-146. [in Russian]
- Leskinen, 2007** – *Leskinen, M.* (2007). Sarmatskii patriotizm v kontekste formirovaniya pol'skoi natsional'noi mifologii v XVII veke [Sarmatian patriotism in the Context of the Formation of Polish National mythology in the 17th century]. *Pol'skaya kul'tura v zerkale vekov*. Moskva. Pp. 104-130. [in Russian]
- Maksimov, 2014** – *Maksimov, A.I.* (2014). «Pol'skii vopros» v dnevnikakh P. A. Valueva (1861-1864 gg.) [“The Polish question” in the diaries of P. A. Valuev (1861-1864)]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2: 84-89. [in Russian]
- Myrikova, 2009** – *Myrikova, A.V.* (2009). F. I. Tyutchev: istoki rusofobii. «Pol'skii vopros» [F. I. Tyutchev: the origins of Russophobia. "The Polish question"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*. 3: 37-44. [in Russian]
- Narezhnyi, 2019** – *Narezhnyi, A.I.* (2019). N. I. Turgenev o pol'skom voprose [N. I. Turgenev on the Polish question]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*. 1: 70-76. [in Russian]
- Nekrashevich, 2014** – *Nekrashevich, F.A.* (2014). Otdel'nyi Litovskii korpus v planakh tainykh obshchestv dekabristov [A separate Lithuanian corps in the plans of the secret societies of the Decembrists]. *Rossiiskie i slavyanskije issledovaniya: nauch. sb. Vyp. 9*. Minsk. Pp. 123-128. [in Russian]
- Nesterenko, 2007** – *Nesterenko, V.A.* (2007). Vzaimootnosheniya mezhdru Rimsko-katolicheskoi i Pravoslavnoi tserkvyami Pravostoronnei Ukrainy vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [The relationship between the Roman Catholic and Orthodox Churches of Right-sided Ukraine in the second half of the 19th – early 20th century]. *Polyaki v Rossii: istoriya i sovremennost'*. Krasnodar. Pp. 29-40. [in Russian]
- Orehov, 2019** – *Orehov, V.V.* (2019). «Klevetnikam Rossii»: avtorskaya pozitsiya i literaturnaya reputatsiya [“Slanders of Russia”: author's position and literary reputation]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*. T. 5(71). 3: 69-88.
- PKVZV, 2007** – *Pol'skaya kul'tura v zerkale vekov* [Polish culture in the mirror of centuries]. Moskva, 2007. 720 p. [in Russian]
- Platonov, 1993** – *Platonov, S.F.* (1993). Lektsii po russkoi istorii [Lectures on Russian history]. Moskva. 736 p. [in Russian]
- PVR, 2007** – *Polyaki v Rossii: istoriya i sovremennost'* [Poles in Russia: History and Modernity]. Krasnodar, 2007. 287 p. [in Russian]
- Raevskii, 1978** – *Raevskii, N.A.* (1978). Izbrannoe [Favourites]. Moskva. 492 p. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Samarin, 2022** – *Samarin, Yu.F.* (2022). Sovremennyy ob'em pol'skogo voprosa [The current scope of the Polish question]. *Zabytye stranitsy pol'skogo voprosa*. SPb. Pp. 220-240. [in Russian]
- Shchebal'skii, 2022** – *Shchebal'skii, P.K.* (2022). Pol'sko-russkii vopros [The Polish-Russian question]. *Zabytye stranitsy pol'skogo voprosa*. SPb. Pp. 113-124. [in Russian]
- Shirokova, 2022** – *Shirokova, M.A.* (2022). K voprosu o vzglyadakh A. S. Pushkina na vosstanie v Pol'she 1830-1831 gg. [On the question of A. S. Pushkin's views on the Uprising in Poland of 1830-1831]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskie nauki i arkheologiya*. 5(127): 13-18. [in Russian]
- Solov'ev, 1989** – *Solov'ev, S.M.* (1989). Chteniya i rasskazy po istorii Rossii [Readings and stories on the history of Russia]. Moskva. 768 p. [in Russian]
- Timiryayev, 2016** – *Timiryayev, D.O.* (2016). Pol'skii vopros v otechestvennoi konservativnoi i liberal'noi publitsistike (1881-1887 gg.) [The Polish Question in Russian conservative and liberal journalism (1881-1887)]. *Nauchnye vedomosti*. 8(229): 100-107. [in Russian]
- Vyazemskii, 1963** – *Vyazemskii, P.A.* (1963). Zapisnye knizhki. 1813–1848. [Notebooks. 1813–1848]. Moskva. 513 p. [in Russian]
- Zav'yalova, 2019** – *Zav'yalova, O.O.* (2019). «Usmirit' podvlastnyi nam kraj»: vzglyady I. A. Arsen'eva na pol'skii vopros v nachale 1860-kh godov v kontekste natsional'noi politiki Rossiiskoi imperii [“To pacify the region under our control”: I. A. Arsenyev's views on the Polish question in the early 1860s in the context of the national policy of the Russian Empire]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 19(4): 417-423. [in Russian]

Рефлексия российской интеллигенции XIX века в контексте польского вопроса

Александр Григорьевич Грязнухин ^{a, *}, Татьяна Владимировна Грязнухина ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье проведен анализ комплекса этнокультурных и социально-политических противоречий между Россией и Польшей и его влияние на взгляды русской интеллигенции и развитие общественной мысли XIX в. На основании исследования архивных материалов, воспоминаний и публицистических материалов выявлена корреляция между историческими процессами прошлых веков и характером русско-польских отношений в XIX в. Рассмотрена позиция интеллигенции как выразительницы национального самосознания в контексте ее активности при решении польского вопроса, как наиболее значимой составляющей общественно-политических процессов. Проанализированы взгляды представителей интеллигенции, принадлежавших к разным политическим течениям и их позиции в отношении политики властей по решению польского вопроса. Выявлена многовекторность влияния польского вопроса на дестабилизацию внутренней жизни в России и имиджевые потери на внешнеполитической арене. Представлены различные варианты решения польского вопроса, разработанные интеллигенцией. В ходе исследования установлено, что объединяющим интеллигенцию фактором явилось ее негативное отношение к территориальным притязаниям поляков. Неприемлемым для патриотически настроенной интеллигенции было отчуждение исконно русских земель с проживающим на них православным населением. Дано обоснование причин межнационального конфликта, среди которых не последнее место занимают особенности польского национального характера, что подтверждается мнением ряда польских исследователей XIX-XXI вв. Обращение к историческому опыту русско-польских межэтнических и межгосударственных отношений может способствовать более глубокому пониманию причин конфликта и тем самым содействовать его разрешению.

Ключевые слова: Россия, польский вопрос, интеллигенция, рефлексия, славянофилы, западники, восстание.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин), tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина)